

ДЖИЛЛ МАРИ ЛЭНДИС

ПОКА
НЕ НАСТАНЕТ
ЗАВТРА

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
Л92

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Jill Marie Landis

UNTIL TOMORROW

Перевод с английского *М. В. Келер*

Компьютерный дизайн *А. И. Смирнова*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Лэндис, Джилл Мари.

Л92 Пока не настанет завтра : роман / Джилл Мари Лэндис ; пер. с англ. М. В. Келер. — Москва : АСТ, 2015. — 314, [6] с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-094507-8

Разоренный фургон переселенцев — и чудом уцелевший младенец...

Дейк Рид, возвращавшийся домой с войны, подобрал кроху и отправился на поиски женщины, готовой заменить ребенку мать.

Это доброе дело привело его на ферму, где жила юная Кара Джеймс, в которую Дейк влюбился с первого взгляда.

Вместе Кара и Дейк переживут множество приключений на пути к новым землям и поймут, что истинная любовь только крепнет среди опасностей и невзгод...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-094507-8

© Jill Marie Landis, 1994
© Перевод. М.В. Келер, 2010
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Пролог

*О Господи, когда б могли прочесть мы
Книгу судеб!*

В. Шекспир. «Генрих IV»*

Сентябрь 1867 года

Одинокий всадник скакал по болотистым берегам реки Неошо. Ему казалось, что он едет по Канзасу уже много недель. На самом деле прошло всего несколько дней. Он пересекал плоские низкие равнины и широкие долины, радовался, встречая изредка рощи красного кедра, лип, дубов и черного орешника, дававшие укрытие в те ночи, когда он оказывался вдали от поселений. Спеша на юго-восток, он оставил позади форт Додж и голые прерии — открытое ветрам безграничное пространство, покрытое выжженной травой.

Одежда его была новой. Незнакомой. Семь лет он носил синее обмундирование юнионистов. Но в Алабаме, куда направлялся Дейк Рид, его старая форма была не нужна. Маркитант в форте снабдил его новыми штанами из грубой плотной ткани и рубашкой, кроме того, Дейк стал гордым обладателем куртки из оленьей кожи с бахромой. Она ему так понравилась, что он заплатил за нее неслыханные деньги какому-то типу из графства

* Перевод Е. Бируковой.

Кайова. Кожа была отлично выделана — до бархатистой мягкости, и куртка так подчеркивала ширину плеч, словно была сшита на заказ.

За несколько дней Дейк просто сросся с оленьей кожей. Он решил, что это не только потому, что куртка гораздо удобнее его прежней тяжелой шерстяной формы. Дело в том, что она другого цвета: синие и серые цвета формы напоминали Риду о войне. Казалось, эта куртка стала символом окончания его службы на границе. Наконец-то война и армия остались позади.

Он уселся поудобнее в седле и надвинул свою черную шляпу на лоб. Тут внимание Дейка привлекло какое-то темное пятно, выделявшееся на холме, который возвышался на его пути. На таком расстоянии он не мог определить, что это было. Дейк прищипорил коня и поскакал вперед.

Судя по всему, он приближался к Освего — поселению на западном берегу реки Неошо, которое было чуть покрупнее небольшой фактории. Здесь раньше ходил паром через реку, но с тех пор как началась война, ни один путешественник не мог быть уверен, что он найдет все на своих местах. Чем ближе Рид был к границе штата Миссури, тем труднее ему было сдерживать беспокойство. Оставляя дом, он думал, что никогда не вернется в Алабаму. И в самом деле: война, военная карьера на многие годы задержали его. А месяц назад, когда молодой человек раздумывал, не остаться ли ему на сверхсрочную службу, он получил письмо. Конверт был сильно измят: видно, он давно путешествовал с военной почтой. Письмо звало Дейка Рида домой.

Темное пятно на холме обрело очертания прямоугольника, похожего на ящик. По привычке Дейк уже было поднял руку: этим жестом он всегда подзывал разведчика, чтобы послать его вперед, — но тут же с болью осознал, что совершенно один. После трех дней пути он еще не привык быть в одиночестве: ведь он так долго командовал людьми. Рид поправил шляпу и пустил своего горячего гнедого скакуна по кличке Генерал Шерман га-

Через несколько сотен ярдов он понял, что прямоугольник — это не что иное, как дно перевернутого на бок фургона. Дейк был уже совсем близко, когда увидел разбросанную по земле домашнюю утварь; темные фигуры, лежавшие неподалеку, оказались телами людей, брошенными, словно поломанные куклы, на залитую кровью сухую траву.

Кровь застыла в его жилах. Дейк сжал рукоять пистолета.

Нигде не было видно лошадей. Тот, кто напал на путешественников, видимо, увел их. Когда Рид спешился, его взгляд приковало тело мужчины. Это был хорошо сложенный мулат, он лежал, уткнувшись лицом в траву. Его шея была неестественным образом вывернута. На войне Рид повидал достаточно убитых, чтобы понять — этому негру уже не помочь. На спине одежда путешественника была залита кровью, виднелись и пулевые отверстия.

Но тут Дейк заметил съжившееся тело женщины. Он встал на колени около негритянки, казавшейся на несколько лет старше мужчины. Один взгляд — и он понял, что тут тоже делать что-либо уже поздно. Он осторожно дотронулся до ее плеча. Кожа была холодной. На сердце у него было тяжело. Конец войны не остановил ненависть и бессмысленное кровопролитие, а только загнал их вглубь. Глядя на безжизненную фигуру женщины, Рид размышлял о том, куда направлялись эти степные странники, какие мечты гнали их вперед. Что поддерживало их в рабстве, а потом в обретенной свободе — свободе, которая привела их к этому страшному концу на канзасской равнине?

Дейк вдруг оцепенел: откуда-то из-за перевернутого фургона раздался тихий жалобный стон. От этого звука по его спине пополз холодок. Рид встал и обошел место происшествия. На земле, среди разбросанных вещей и продуктов, лежала еще одна женщина. Красавица блондинка. Ее лицо, покрытое испариной, было в пыли. От боли она едва дышала, а ее руки запутались в складках окровавленных юбок. Дейк опустился на колени, отбросил с ее лица спутавшиеся волосы и тихо спросил:

— Мэм?

— Слава Богу, — прошептала она, не открывая глаз. — Мой ребенок... Спасите моего ребенка!

Дейк оглядел местность вокруг разбитого фургона, но не обнаружил никакого ребенка.

Он задумался о том, как бы сообщить женщине, что ребенка здесь нет.

— Мэм...

Она схватила его за руку.

— Нет времени... Скорее... Ребенок...

Рид посмотрел на некогда элегантные шелковые юбки. Они были измяты и насквозь пропитаны кровью. Он увидел, как по ним расползается большое темное пятно.

Ребенок?..

Дейк посмотрел на загорелое лицо женщины. Загар лишь подчеркивал ее бледность. Она облизнула потрескавшиеся губы и снова застонала, вцепившись в юбку руками.

Дейк не стал терять времени. Сунув пистолет в кобур, он задрал ей юбки до пояса. Зрелище, представшее его глазам, едва не заставило его отшатнуться. Только что родившийся младенец лежал между ног женщины, залитый кровью своей матери.

— Мой ребенок... — Она попыталась приподнять голову, но тут же откинулась назад. Ее глаза открылись. Они были темно-карие.

Дейк поднял с земли новорожденного мальчика. Чтобы не оставлять его в грязи, он положил младенца на живот матери. Женщина подняла руку, тронула ребенка. Затем ее рука упала. Роденный и выросший на плантации, где жизнь, смерть и производство потомства были делом житейским, Дейк знал о родах достаточно и представлял себе, что надо делать.

Оторвав кусок узкого кружева, украшавшего нижнюю юбку женщины, он быстро стянул им пуповину. Потом вытащил из-за голенища нож и перерезал живую нить, затем он стер слизь со рта ребенка, приподнял мальчика за лодыжки и резко шлепнул его по попе. Дейк был

6 вознагражден сильным сердитым криком.

— Спасибо вам... — Голос женщины был так слаб, что он едва мог разобрать ее слова.

Взглянув, он увидел, что у нее все еще было кровотечение. Рид понял, что больше для нее он ничего сделать не может. Ребенок продолжал кричать. Дейк принялся разыскивать среди выброшенных из фургона вещей одеяло и нашел узел с постельным бельем. Он быстро разорвал пополам простыню и завернул в одну половину ребенка. Держа малыша на руке, Рид вернулся к его матери и снова опустился возле нее на колени. Он знал, что у него совсем мало времени для того, чтобы выяснить все необходимое.

— Мэм, как вас зовут?

Она облизнула сухие губы:

— Анна. Анна Клейтон...

Несмотря на то что ему пришлось наклониться прямо к ее рту, чтобы разобрать, что она шепчет, он узнал мягкий, тягучий южный акцент — похожий на его собственный.

— Мисс Клейтон, вы можете мне ответить, откуда вы? Где ваша семья?

— Гадсен.

Алабама. И совсем недалеко от его дома в Декейтере.

— Ваш муж? — торопил Дейк.

Она прерывисто вздохнула:

— Умер...

Рид так и думал. Не увидев мужа, он сразу сообразил, что перед ним — молодая вдова, направлявшаяся в сопровождении двух слуг в Канзас. Глядя на нее, он понял, что времени больше нет.

— Кто это сделал?

Дейк хотел знать. Тела других уже остыли. У преступников было время скрыться.

Ответом ему был долгий, судорожный вздох, вслед за которым некогда очаровательная девушка, едва став матерью, умерла. Ребенок в руках Дейка извивался и пытался возить носом по его груди. Рид отодвинул мальчика от своей куртки из оленьей кожи.

— Черт! Что же теперь? — воскликнул он.

Дейк присел на корточки, сдвинул шляпу на затылок и оглядел место происшествия. Солнце уже

садилося. Ему хотелось похоронить убитых, но он не успевал уже выкопать могилы до темноты.

Рид не собирался разбивать лагерь на открытом месте, а тем более в компании трех трупов, которые наверняка привлекут волков. Он бережно положил младенца на стеганое одеяло, найденное среди камней, а сам вернулся к его матери. Он подтащил ее безжизненное тело к борту фургона и скрестил ей на груди руки.

Тут солнце вспыхнуло на чем-то блестящем: Дейк увидел золотой браслет на руке женщины. На нем была необычная гравировка: звезды и полумесяц. Он решил, что родные женщины наверняка узнают это украшение, поэтому расстегнул застежку и снял браслет с запястья Анны Клейтон. Положив его в карман, он отправился за двумя другими телами.

Рид уложил слуг рядом с госпожой. Потом встал, ухватился за борт тяжелого фургона и раскачивал его до тех пор, пока тот не упал. Дейк отскочил и почувствовал, что земля под ним содрогнулась, когда тяжелая деревянная повозка перевернулась и накрыла тела. Этот склеп защитит погибших от волков и других хищников — по крайней мере на время. Он отогнал от себя наводящую ужас мысль о том, что обнаружит следующий путешественник под перевернутым фургоном.

Ребенок спал на своем импровизированном ложе. Дейк вновь взял его на руки: малыш был совсем невесомым. У него, как почти у всех новорожденных, на головке был влажный кудрявый рыжеватый хохолок, носик неопределенной формы и круглая мордашка. Он был скорее похож на сморщенного старичка, чем на ребенка. Дейк подобрал мягкое стеганое одеяло и подошел к Генералу Шерману, который был привязан невдалеке. Молодой человек на мгновение задумался о том, как везти малыша, а потом решил положить его за пазуху, чтобы руки оставались свободными. Он оторвал еще один кусок от простыни и осторожно запеленал ребенка, чтобы не испачкать подкладку куртки.

Он расстегнул куртку и удобно пристроил ребенка у себя на груди. Только пуговицы слегка тя-

нули. Потом свернул одеяло и привязал его сзади к седлу поверх своей собственной постели.

Придерживая одной рукой драгоценный груз, лежавший у него под курткой, Дейк вскочил в седло и снова направил коня на юго-восток. Поглядывая на заходящее солнце, он убеждал себя, что до темноты обязательно встретит если не селение, то хотя бы хижину. Где-то, думал Дейк Рид, в этом пространстве между небом и землей на пути в Алабаму, он найдет того, кто поможет ему позаботиться об осиротевшем сыне Анны Клейтон, пусть даже и за деньги.

Малыш у него за пазухой выразил свой протест против езды верхом тихим кошачьим мяуканьем, а затем затих, уютно устроившись у самого сердца Дейка.

Глава 1

Господь всегда дает науку достаточно пряжи, чтобы сплести паутину.

Ненни Джеймс

Заброшенные колеи от фургонов протянулись через степную возвышенность, окружавшую усадьбу Джеймсов. На земле валялись потемневшие и поломанные стебли кукурузы, урожай которой давно собрали. Вдали, за лесом, виднелся невысокий горный хребет. Неподалеку росло одинокое ореховое дерево. В его густой тени внимательный путешественник мог увидеть четыре деревянных креста. Три были уже потемневшими от времени, один — совсем новый.

В Канзасе — краю, столь любимом многими за красоту, — каждое лето в изобилии вырастали цветы: шпорник, турецкая гвоздика, степные розы, японские лилии, дикий лук. Землю здесь можно возделывать даже при лунном свете, да и каменного угля достаточно. Но конечно, не все, что давала природа, было во благо людям. Ураганы, пронесившиеся над этим краем, приносили ливни. Ливни приводили к наводнениям.

Пристроившаяся у склона горы хижина была почти незаметна, и на первый взгляд место казалось необитаемым. Но внутри домика Кара Кальвиния Джеймс

мурлыкала песенку, украшая букетиком цветов сосновый стол.

Отступив назад, чтобы полюбоваться своей работой, девушка подумала и добавила к букетику высушенный шпорник.

— Ну вот. Достаточно красиво, надо сказать, — произнесла она.

Девушка снова запела — на этот раз она исполнила припев к «Прекрасному мечтателю». Кара закружилась в вальсе с воображаемым партнером так, что комната поплыла у нее перед глазами и юбка закрутилась вокруг ног. Она легко касалась ногами утоптанного земляного пола, пританцовывая вокруг стола, стоявшего посередине ее хижины.

Вальсируя, она оказалась у дверей. На грубом деревянном косяке висело красное индейское одеяло с обтрепанными краями. Оно колыхалось на ветру. Приподняв одеяло и проскользнув под ним, Кара отбросила гриву светлых кудрявых волос с лица и посмотрела на запад. Прикрыв глаза рукой, она смотрела на красный шар, висевший низко над горизонтом и расцветивавший небо сверкающими розовыми и оранжевыми полосами.

Перед домом, на клочке утоптанной земли, был устроен очаг, который летом служил ей кухней, в почерневшем котелке варилась курица. В такой вечер — никаких кукурузных лепешек. Это был ее день рождения, и, как говаривала Ненни Джеймс: «Человек — кузнец своего счастья».

Так как вокруг не было никого, кто мог бы ее поздравить, Кара решила, что если уж она сама не поздравит себя с двадцатилетием, то мир воистину станет очень печален.

Из корзины, висевшей возле очага, Кара вытащила ложку с длинной ручкой. Сунув ее в котелок, девушка попыталась подцепить курицу, чтобы проверить, готова ли она. Да и пора было уже добавить лук и морковь.

Овощи лежали в джутовом мешке, пришпиленном к стене. Единственным, что она еще не упаковала перед отъездом из Канзаса, была коллекция самодельных кукол. Эти куклы лежали на дощатых полках, ок-

ружавших комнату. Всего было двадцать кукол. Кара сделала их сама из кусочков и обрезков старой одежды. У некоторых кукол лица были сделаны из орехов и сушеных яблок. Остальные — целиком тряпичные. А одну из своих самых любимых игрушек девушка смастерила из столбика кровати.

Раньше Кара никогда не видела кукол с тряпичными лицами. Но, пришив своим игрушкам глаза-пуговицы, украсив их обрывками кружев и настриженными рыжими лоскутками, изображавшими волосы, девушка решила, что ее куклы довольно привлекательны, а может, даже и прекрасны.

Кара взяла из мешка четыре морковки и луковицу. Овощи она собиралась жарить на большой гнutoй сковороде, лежавшей на грубой деревянной скамье во дворе. Девушка не переставала благодарить Бога за богатый урожай овощей, который она собрала. Но все же это не Калифорния. Девушка была уверена, что уж там-то она не будет голодать, найдет и работу, и жилье.

Неизвестно, что принесет будущее. Но, возясь с овощами, Кара поклялась, что не будет всю жизнь привязана к этому забытому Богом клочку земли, от которого ближайшее поселение в пяти милях. Это место — мечта ее отца, но не ее.

Эверет Джеймс всегда был мечтателем. Но уже к десяти годам Кара перестала верить в то, что его мечты когда-нибудь сбудутся. Их эмиграция в Канзас — его «великолепная возможность», оплаченная группой восточных аболиционистов*... Предполагалось, что все это предпринято для того, чтобы в конце концов оказаться в Калифорнии. Но они так и не попали туда. Мечта рухнула, когда отца убили южане, которые тайно проникали в Канзас через Миссури. И хотя Кара в то время была еще ребенком, ей пришлось принимать участие в сражениях вместе с бабушкой, матерью и старшим братом Уилли. Той зимой они не только голодали. Они жили в постоянном страхе перед бродячими бандами, готовыми прогнать поселенцев, которые выступают за свободный Канзас.

* Аболиционисты — сторонники движения за отмену

А потом земля поглотила всех — одного за другим. Ее мать умерла от тифа три года назад. Вскоре за ней последовала Ненни Джеймс. Уилли — ее серьезный, ответственный, взрослый брат умер месяц назад, свалившись со стога сена и сломав себе шею.

Каре так не хватало их всех: отца и его мечтаний, простой улыбки матери, мудрости бабушки Ненни. Но труднее всего ей было пережить смерть Уилли, так как он был ее ближайшим другом и постоянным спутником.

Чувствуя себя забытой и одинокой, Кара посмотрела вдаль и смахнула с глаз слезы. Ее ближайшие соседи жили далеко: полдня ходьбы от ее дома. Это была шумная семья из десяти человек. Все Диксоны помогали хоронить Уилли.

Хутер Диксон, второй по старшинству сын, решил воспользоваться случаем и предложил ей выйти за него замуж. Кара взглянула на него — почти беззубого, с жиденькими волосами — и отказалась. Ничуть не обидевшись, Хутер пообещал ей помочь посадить весной кукурузу.

Кара уселась на скамейку и собралась чистить овощи. Она уже почистила морковь, как вдруг до нее донесся топот копыт. А затем она увидела на западе всадника. Он направлялся прямо к ее дому.

Непросто было разглядеть ее хижину. Но ее выдал дым, поднимающийся из очага на открытой кухне.

Взволнованная и испуганная, Кара отложила морковь и снова откинула с лица волосы. Она увидела мужчину. В лучах заходящего солнца он показался ей просто великаном.

Девушка бросилась в дом, схватила заряженный пистолет, который обычно лежал наготове возле двери, и осторожно вышла наружу. После войны появилось много бродяг, и Уилли всегда предупреждал ее, что надо принимать меры предосторожности, прежде чем пускать незнакомца в дом. Спрятав пистолет в складках своей полинявшей желтой юбки, она приготовилась встретить этого странника на огромном гнедом коне.

Он подъехал прямо к хижине. Кара наблюдала, как он слезал с лошади. Ей пришло в голову, что

он, наверное, ранен: незнакомец двигался очень осторожно. К тому же одной рукой он придерживал живот. Его загорелое лицо, видневшееся под полями большой черной шляпы, было суровым, но привлекательным. У него был прямой нос. Глубокие складки вокруг рта. Красивые узкие брови были прямыми.

Их глаза встретились. Девушка подумала, что она никогда до этого не видела глаз такого чистого зеленого цвета. Они казались бездонными. Его нельзя было сравнить ни с кем, кого она когда-либо встречала. Хутер Диксон недостоин даже свечу перед ним держать. Словом, незнакомец был невероятно хорош собой.

Кара посмотрела на его запыленные сапоги, затем увидела кобуру, пристегнутую к ремню на бедрах. Ее рука сжала пистолет. Она шагнула вперед.

— Как дела, мистер? — крикнула она.

Дейк придержал рукой спящего у него за пазухой младенца, так как боялся разбудить его. Он внимательно оглядел утоптаный земляной дворик перед хижинкой, сломанное колесо, обрывки проволоки, тростниковый стул без сиденья со сломанной ножкой, оленьи рога. Сорняки и обломки плетеной корзины валялись на земле. Его взгляд остановился на тряпке, прикрывавшей вход в дом. Судя по виду растрепанной блондинки, стоявшей босиком на земле, в доме было полно людей.

Он оглядел девушку. Она была среднего роста и такая хрупкая, что выцветшее желтое платье висело на ней как на вешалке, скрывая изящество фигуры. От его взгляда не ускользнуло, как поднимаются при дыхании упругие груди. А поскольку платье было размера на два больше и на фут короче, чем надо, то из-под юбки виднелись ее ноги, потемневшие от загара и запорошенные сухой степной землей. Она смотрела на него своими голубыми глазами, сиявшими из-под светлых кудрей, падавших на лицо. Пока он наблюдал за ней, она уже в третий раз откинула волосы со лба. Дейку так и хотелось спросить, не пробовала ли она завязывать волосы сзади, но тут он вдруг

поймал себя на мысли, что с удовольствием сам бы

14 расчесал их ей.

У девушки был большой рот. А ее полные надутые губки привели бы в смущение и святого. На вид ей было не больше семнадцати-восемнадцати.

Дейку пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, зачем он, собственно, сюда приехал. Через голову девушки он заглянул в хижину. Похоже, больше там никого не было. Он снова посмотрел на нее.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал он без предисловий.

Она посмотрела на него с любопытством:

— Джонни Рэб?

Ему не скрыть своего южного акцента.

— По происхождению я из Алабамы, мэм. Хотя и из армии юнионистов.

Он увидел, как ее брови удивленно поползли вверх. Она задумчиво смотрела на него, как бы проверяя правдивость его слов. Девушка даже не переменила позы.

— Что вам нужно?

В ответ он похлопал по свертку у себя за пазухой.

— Я...

Она перебила его:

— Вы ранены?

Дейк опешил:

— Почему?

— Потому что вы слезали с коня, как старик, и все время придерживаете живот.

Он посмотрел на свою руку, которая покоилась на его куртке.

— Вы не возражаете, если мы войдем внутрь?

— Возражаю. Я сроду вас не видала.

Дейк кивнул. Пусть так. Медленно и осторожно он стал расстегивать пуговицы на куртке, бережно придерживая ребенка, лежавшего внутри. Подняв голову, он увидел, что Кара смотрит на него с изумлением.

— Я сгораю от любопытства, — прошептала она, шагнув вперед. — Что это у вас там?

— Ребенок.

— Я вижу.